Сергей Маляров

СИЛА В ТВОИХ РУКАХ

Манифест личной ответственности в эпоху перемен

как перестать зависеть от обстоятельств
и взять жизнь в свои руки

M&G non-fiction
2025

Сергей Маляров

Сила в твоих руках. Манифест личной ответственности в эпоху перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71971156
ISBN 9785006709232

Аннотация

Эта книга раскрывает, как проактивность и осознанный выбор меняют жизнь. Основанная на христианских и стоических идеях, она проводит читателя через личные, социальные и духовные аспекты ответственности, давая практические шаги и вдохновение. Превратите кризисы в рост, а жалобы – в действие!

Содержание

Часть I. Проблема безответственности и рождение идеи 5
Глава 1. Иллюзия внешнего контроля 5
Глава 2. Вечная битва жертвы и автора 16
Глава 3. Цена обвинений и упущенных шансов 22
Глава 4. Первые ростки личной ответственности 28
Часть II. Историко-философские корни: от ранних стоиков до Талеба 34
Глава 5. Стоицизм и дихотомия контроля 34
Глава 6. Авраамические религии и свобода воли 42
Глава 7. Эмерсон и самоопора (self-reliance) 51
Глава 8 Современная эра: от «новой мысли» к «коучингу» 60
Глава 9. Принцип личной ответственности в русской мысли 69
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Сила в твоих руках
Манифест личной ответственности в эпоху перемен

Сергей Маляров

Редактор С. П. Маляров
Дизайнер обложки Ю. В. Гринько

© Сергей Маляров, 2025
© Ю. В. Гринько, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-0923-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Проблема безответственности и рождение идеи

Глава 1. Иллюзия внешнего контроля

Наш мир – территория эффективности, а не витрина для тщеславия. Я давно замечаю, что когда люди по-настоящему ценят результат, они перестают играть в ритуалы и оправдания. Это самые эффективные люди. Вместо громких тезисов вроде «я делаю всё по правилам, но ничего не выходит» они предпочитают привести проект к финишу, пусть даже нестандартными способами. И наоборот, когда я встречаю истории про плохие времена или недостаточно хорошие условия, «не ту страну», «не ту экономику» или «не те связи», за этим почти всегда стоит нежелание брать на себя реальное действие.

Я всегда с интересом отмечал для себя примеры того, как люди оправдывают собственное бездействие. Они, разумеется, ссылаются не на себя, а на внешние силы. Думаю не одному мне часто приходилось слышать: «У меня не получается создать бизнес, потому что кругом монополисты», «У нас исторически сложилось, что всюду бюрократия», «Если бы

я родился в другой стране, давно стал бы миллиардером». Со временем я заметил закономерность: те, кто склонны цитировать «общие» проблемы (систему, политику, глобальные кризисы), обычно не спешат искать практические решения. Они останавливаются на плаче: «Меня загнали в безысходность».

В глубине души я понимаю, что обвинять «большую систему» удобно и даже приятно. Это снимает вину за собственный паралич. Хочется, чтобы обстоятельства сами подстроились под наши грёзы, а не пришлось менять своё поведение. Для себя я называю это явление **иллюзией внешнего контроля**. Соблазн её огромен: достаточно сказать «Я ведь ничего не решаю» – и можно не мучиться совестью за очередное упущенное время или бездействие. Социолог Эдвард Банфилд в одном из исследований середины XX века отмечал, что ожидание «внешнего спасителя» характерно для сообществ, где низка предпринимательская активность[1]. Они годами живут надеждой, что кто-то улучшит их жизнь – государство, крупный инвестор, некая абстрактная «сверхсила». Но чудо не случается.

Я считаю, что **правильная работа – это та, что сделана**, а не та, которая теоретически соответствует «идеальным условиям». Наблюдал один показательный пример в сфере стартапов: видел основателя, который разработал крутой сервис для онлайн-курсов, но месяцами ждал, что

[1] Банфилд Э. Моральные основы отсталого общества, 1958 г.

некий государственный фонд (в частности имелся в виду ФСИ) выделит ему грант. Говорил: «Без гранта я не смогу масштабироваться, рынок занят, конкуренция жёсткая». В итоге он проиграл менее талантливой, но шустрой команде, которая просто взяла и запустила базовую версию сервиса на скромные личные сбережения. Пока первый предприниматель год жаловался на финансирование, второй обзвонил десятки школ, наладил партнёрство и вынес конкурента с рынка. Мне кажется, что у проигравшего основателя были чуть ли не лучшие технические предпосылки, но он сосредоточился на том, что «всё решают внешние структуры». В результате он заморозил продукт и остался с чувством обиды на «систему».

Люблю следующую аналогию с боевыми искусствами. Бокс великолепен как спортивная дисциплина: там есть судьи, раунды, запреты на удары ниже пояса. Но в уличном контексте, в ситуации реальных боевых действий, в случае захвата террористами заложников, да и просто при встрече с гопниками на улице бокс проигрывает израильскому боевому искусству крав-мага. Удивительное здесь то, что в крав-мага нет правил, как таковых. Это система действий, направленная на максимально быструю и эффективную нейтрализацию угрозы. Но разве не для этого, в конечном счете, и нужно владеть боевым искусством? Когда нет правил, побеждает тот, кто использует то, что подходит для реальной схватки. И жизнь, по моим ощущениям, больше похо-

жа на уличную драку, чем на образцовый ринг. В делах редко бывает беспристрастный судья, который остановит нарушение или объявит «фол». Практически всё решает результат: создали я продукт или нет, смог привлечь аудиторию или растерял её, решился ли действовать немедленно или застрял в оправданиях. Для меня это – иллюстрация того, что **эффективность важнее формальной правильности**. Многим кажется, что это слишком жестоко, но я вижу, что именно так устроен мир. Особенно мир конкурентной борьбы.

Несколько лет назад наткнулся на исследование Kauffman Foundation, которое показало, что львиная доля успешных стартапов в США возникали в периоды, когда экономическая ситуация была нестабильной, а не идеальной. Оказалось, многие проекты рождались именно оттого, что их создатели не ждали, пока кто-то устранит «плохой рынок». Они умели извлечь выгоду из возможностей, которые другим казались бесперспективными. Ну и многие из нас помнят, как возросла предпринимательская активность в России в 90-х. Откровенно говоря, это были не лучшие годы для бизнеса, но мы все знаем, что происходило. На мой взгляд, это лучшая демонстрация факта: рост приходит не из рафинированных условий, а из решительных действий, часто вопреки совокупности общественных жалоб.

Но я часто встречаю людей, убеждённых, что их судьба прописана какими-то глобальными кукловодами или неви-

димыми силами. Это можно понять: мы живём в сложном обществе, и трудно отрицать влияние политики, крупных корпораций, макроэкономики. Я отдаю себе полный отчет в том, что не всё в жизни возможно (а некоторое даже не нужно) взять под личный контроль. Но опыт говорит: пока человек тратит энергию на объяснение, почему «у нас всё решает кто-то другой», он не ищет окно возможностей. А возможности есть всегда, только они не кричат о себе с афиш.

Часто мне возражают: «Слишком уж ты большой оптимист. Попробуй открыть бизнес при нашем-то уровне коррупции». Но я вижу и другие примеры: есть те, кто не кричит о коррупции, о конкуренции, о том что все уже схвачено и распределено между правильными людьми, а упорно ищут пути, заводят знакомства, договариваются, осваивают новые продукты. Замечаю, что они добиваются большего и меньше жалуются, пусть и вынуждены преодолевать чудовищные преграды. Кто-то скажет, что это лишь «счастливчики» с особыми связями. Отчасти согласен – связи играют безусловно важную роль, может, даже самую главную роль в успехе человека. Но у меня сложилось впечатление, что связи часто возникают у тех, кто не упирается в обиду на мир, а предпочитает постоянно быть в движении и ищет новых людей с открытым сердцем.

Однажды я беседовал с приятелем, который потерял дело после одного из кризисов, кажется это был 2014 год. Тогда был мощный скачок стоимости доллара и евро, а он за-

нимался ввозом расходных материалов для стоматологии. Он клял «злую экономику» и говорил, что всюду несправедливость. И действительно, у него не получилось выйти из кризиса, потому что внешние причины были сильнее его. Но еще я наблюдал за другим парнем, который в другой уже кризис переключился с офлайн-торговли на онлайн, а затем на небольшое производство защитных масок (они тогда резко понадобились) и за пару месяцев развернул мини-цех. А потом там же стал делать санитайзеры для рук. Он не кричала о безысходности, когда все кричали, а поймал свою волну и она его вынесла на нужный берег. Я бы не сказал, что это чистая удача – он просто заметил, что люди будут готовы покупать что-то новое и быстро отозвался на спрос. Да, его доходы могли быть выше в более «дружественной» обстановке, но он не ждал идеала. Он взял то, что есть, и превратил это в дело.

Мне кажется, что люди, которые твердят о том, что все решают внешние силы, на самом деле либо просто не хотят нырять в суровую реальность, где придётся получить удары. Либо действительно обманывают себя, живут в выдуманной картине мира, их мир вот таков и довольно сложно изменить мировоззрение. Легче сидеть на берегу и ругать волны, чем научиться плавать в бурном потоке. Я не исключаю, что обстоятельства действительно бывают страшно неблагоприятными. Но я также вижу, как даже в тяжёлых условиях каждый год кто-то находит лазейки и пробивает путь вверх.

Сколько бы ни говорили про «каменную стену», кто-то упрямо долбит её и в конце концов выбивает узкий проход. Говорят, что величина личности человека прямо пропорциональна величине проблем, с которыми он может справиться.

Тут, конечно, возникает вопрос: а действительно ли нужно ломиться в замурованную стену? Нельзя ли найти другой маршрут или построить свою «стену»? И вот здесь я хочу начать рассказ о принципе личной ответственности, который я для себя открыл. Смысл в том, что **принцип ответственности** побуждает искать любую дорогу. Он не обещает, что будет легко, но говорит: «Либо действуй, либо признай, что ты добровольно уступил». Это и есть ключ к эффективности: делать ставку на результат вместо теоретических «если бы, да кабы».

Я не думаю, что стоит отрицать значимость внешних условий. Я точно не идеалист, считающий, что человек в одиночку может побороть все социальные изъяны. Но по моим наблюдениям, позиция «за меня все решают другие» ведёт к параличу, а позиция «давайте попробуем действовать» даёт шансы. Любые шансы в делах, отношения, карьере, творчестве.

Я в определенный период жизни много размышлял: почему же я сам так охотно ищу виноватых снаружи? Думаю, тут есть и природа страхов (страх провала, страх выглядеть нелепо), и скрытое желание, чтобы всё решилось само собой, и даже некое социальное одобрение жалобщиков: «Нас так

много, все вместе ругаем чиновников, олигархов, глобальный заговор». Ощущение будто приятнее тлеть в компании, чем гореть в одиночку. Но ничто не даёт реальных плодов, кроме поступков. Это мне кажется железным законом. Вполне возможно, что ошибки будут, но они куда честнее, чем «страх перед действием», обёрнутый в нечто вроде «всё равно экономике конец, а я маленький человек».

Поэтому и повторяю для себя и для всех людей, с которыми мне доводится делать общее дело: «правильная работа – это та, что сделана. Не та, что делается».

Возвращаясь к теме крав-мага: это реальный пример, что в схватке побеждает не тот, кто «идеально поставил руки по учебнику бокса», а тот, кто знает слабые места противника и быстро бьёт туда, где это наиболее эффективно. Когда речь идёт об уличном столкновении, не важно, насколько «красив» удар, главное – его результат. Точно так же в экономике или карьере: если успех требует резкого хода, вы оказались правы, если этот ход выстрелил. Я не пытаюсь сказать, что все правила надо ломать, будто это хулиганская игра. Но порой люди настолько прилипают к регламентам и чужим разрешениям, что забывают, зачем вообще затеяли дело. А потом, конечно же, сетуют: «Меня обошли, потому что я всё делал по правилам, а другой был наглее, искал обходные пути». Возможно, он был не наглее, а просто умнее и эффективнее. Такую правду о соперниках всегда сложно признавать. Практически невозможно.

По моим ощущениям, главная цена иллюзии внешнего контроля – это ощущение бессилия и потеря мотивации. Когда человек убеждает себя, что рычаги не у него в руках, он и не пытается. Постепенно угасает любопытство, жажда эксперимента. Ему проще продолжать вяло перечислять недостатки окружения и тем самым объяснять свою пассивность. Но я видел, как те, кто не боятся ломать свой уклад, вдруг выходят на передний край, причём не в моменты процветания, а в моменты, когда все твердят: «Сейчас упадёт рынок». Они учатся новому, меняют модель, пробуют гибридные форматы. Именно так я для себя объясняю феномен непотопляемых предпринимателей: они считают, что всё зависит от их манёвров и умений. Может, это не всегда на 100% верно, но такая установка даёт им шанс на успех, тогда как установка «от меня мало что зависит» с высокой вероятностью ведёт к нулю.

Мне кажется, что мир действительно вознаграждает результат, а не жалобы. Жизнь не сильно интересуется тем, как изысканно мы умеем обличать «плохие условия». В конце концов всё сводится к вопросу: «А что сделано?» **Мир эффективности** мало заботится о чистом соблюдении формы, его волнует итог. Если вы вышли из схватки победителем, никто не будет проверять, выполнили ли вы правила бокса, – вы уже доказали свою состоятельность. Может быть, это звучит прагматично, но в моей практике это куда более честно, чем стоять на обочине в ожидании, что кто-то улучшит си-

стему.

Я не хочу сказать, что все, кто ссылаются на внешние факторы, заведомо ленивы или безнадёжны. Возможно, у некоторых проблемы действительно колоссальные, а путь реально тяжёл. Но личный опыт и просмотр множества кейсов показывают мне, что **практическая инициатива** чаще приводит к переменам, чем самая логически выверенная и даже изысканная в своей непогрешимости культура оправданий. Человек, который не перестаёт искать, пробовать, видит окно там, где остальные видят замурованную дверь.

Уверен, что навязчивая вера во внешние обстоятельства – одно из когнитивных искажений, иллюзий нашего сложного сознания. Она безусловно для чего-то важного нам нужна, но когда дело касается необходимости важных перемен, она парализует, делает нас пассивными. А ведь на деле есть много инструментов и стратегий, позволяющих действовать, пусть и не всегда с победным процентом. Но даже 10—20% успеха в подобных проектах – это прорыв для человека, который мог вообще не предпринять ни шага.

В следующих главах я хочу раскрыть, почему идея личной ответственности не сводится к самообвинению, самобичеванию и поиску проблем в себе, а ткаже попробую порассуждать, найти ее истоки и проследить развитие – от философских корней до современных психологических концепций. Для меня принцип личной ответственности – способ подключить собственную энергию к решению проблем,

а не средство самообвинения. Важно различать эти вещи. Но прежде чем продолжать, мне кажется критически важным зафиксировать мысль: **никакая система не отменяет нашу возможность действовать**. Я убедился в этом, наблюдая, как одни и те же суровые условия кого-то ломают, а другого закаляют и выталкивают на новую орбиту.

Итог для меня прост: если хочу достичь результата, я перестаю думать, что кто-то должен мне дать зелёный свет. Да, бывает, что какие-то факторы объективно вредят. Но на практике это лишь параметры среды, вроде погоды за окном. И если человеку нужно срочно выжить, он не сидит и не ждёт, пока уляжется буря; он ищет укрытие, строит лодку или зарывается в землю – короче, делает то, что повышает его шансы. Аналогично в делах и жизни: реальный мир вознаграждает тех, кто выходит из самооправданий и стремится к новому решению. Именно поэтому я считаю, что жить в иллюзии внешнего контроля дорого обходится: человек тратит время на сожаления и никогда не встрепенётся, чтобы двигаться вперёд.

Глава 2. Вечная битва жертвы и автора

Вторая глава посвящена двум внутренним ролям, которые постоянно сталкиваются в человеческом сознании: жертва обстоятельств и автор своей судьбы. Я наблюдаю в первую очередь за самим собой, что то и дело перехожу от одной модели поведения к другой, иногда не замечая этого сам. Жертва склонна искать виноватых, испытывать обиду и рассчитывать, что кто-то или что-то снаружи сделает всё за неё. Автор, напротив, ставит цель, ищет пути и принимает последствия своих действий как неизбежную плату за свободу выбора.

Роль жертвы нередко выполняет функцию психологической защиты. Когда человек несколько раз сталкивается с провалами, он начинает верить, что в мире действует непреодолимая сила, которую ему никак не обойти. Это позволяет не ощущать свою ответственность и оправдывать бездействие. В разговоре с такими людьми можно услышать: «ничего не изменить», «я много раз пытался, это невозможно», «даже если и получится, отберут», «у нас не та экономика в стране», «нужны связи, иначе ничего не получится» или «слишком поздно начинать с нуля». За всем этим скрывается страх сделать шаг навстречу риску, а значит, столкнуться с возможной неудачей и личными ошибками.

Знакомый предприниматель много лет говорил, что рынок перенасыщен, инвесторы ориентированы только на технологические гиганты, а у него нет ни нужных связей, ни достаточных средств. Казалось бы, всё логично: законы не идеальны, налоговая нагрузка высока, связи и правда часто решают многое. Но потом оказалось, что за годы разговора о плохой конъюнктуре он так и не доработал идею своего продукта и не потрудился найти выход на хотя бы небольшую часть аудитории. Ему было проще считать себя пленником системы, чем признавать, что можно двигаться вперёд даже при неблагоприятных условиях, если разделить проект на маленькие шаги. Роль жертвы создаёт видимость безопасности: к человеку не предъявляют высоких требований, потому что он и сам не видит смысла куда-то бежать.

Иногда такую позицию называют спасательным кругом для психики, ведь она даёт повод не испытывать чувство вины. Если всё действительно заранее определено внешними факторами, то мы ни в чём не повинны. Но такая защита становится ловушкой: чем чаще человек ссылается на враждебный мир, тем реже он пытается разобраться, что именно зависит от него. В итоге перспективы исчезают раньше, чем он успевает предпринять какую-либо попытку.

Противоположная роль – автор своей судьбы – звучит более вдохновляюще, но она не лишена трудностей. Автор не обманывает себя, будто внешних ограничений не существует. Он признаёт проблемы, но подходит к ним со сто-

роны своих возможностей и сильных сторон. У меня есть знакомый китаист, который без связей и госфинансирования решил открыть консалтинговую фирму. Он не стал жаловаться, что рынок давно поделен или что в нашей стране нет условий для развития бизнеса. Он нашёл несколько компаний, заинтересованных в поставках в Китай, и использовал знания языка и культуры, чтобы стать для них проводником. Никто не гарантировал ему успех, и вначале были только собственные сбережения, но всё получилось. Сейчас у него стабильные клиенты и новая команда. Такого результата не было бы, если бы он занял позицию «ничего не выйдет без господдержки».

Разница между автором и жертвой не сводится к оптимизму. Автор иногда оценивает шансы скептически, понимает риски, готовится к провалам. Но он знает, что результат никогда не достаётся пассивным наблюдателям. Жертва, напротив, боится даже небольших провалов, поэтому заранее говорит, что условия не подходят для действия. Мне даже кажется, что люди, которые не боятся взять на себя риск, быстрее обучаются: каждая ошибка даёт им опыт и идеи, как улучшить процесс. Те же, кто предпочитает прикрываться враждебной внешней средой, не двигаются вперёд, потому что избегают любых попыток.

История сохранила примеры, как люди вставали в авторскую позицию, вопреки крайнему давлению. К примеру, Томас Эдисон после пожара в собственной лаборатории не стал

причитать о злой судьбе, а просто собрал волю в кулак и приступил к восстановлению. Нельсон Мандела, проведя многие годы в заключении, не утратил веру, что, выйдя на свободу, сможет повлиять на будущее своей страны. Если бы они выбрали роль жертвы, никто бы их не осудил за это, ведь обстоятельства были действительно ужасными. Но они понимали, что внешние условия не могут полностью лишить человека способности действовать. Возможно, именно это убеждение не давало им сдаться.

Если посмотреть глубже, переход от состояния жертвы к состоянию автора требует пересмотра многих базовых убеждений. Человек перестаёт считать, что ему «кто-то что-то должен», и берёт на себя ответственность за каждое решение. Он перестаёт искать безошибочный путь и соглашается на жизненные неопределённости, зная, что ошибки – часть развития. Таких личностей нередко называют рисковыми, но часто они двигают свои сферы вперёд там, где остальные только разводят руками.

Однако не все готовы платить за свободу. Авторская позиция означает, что нет больше возможности обвинять экономику, государство, родителей или коллег, если что-то пошло не так. Я не раз видел, как люди отказывались от обещанных проектов, когда осознавали весь груз личной ответственности за провал. Роль жертвы в этом смысле проще: всё уже решено, мы просто плывём по течению, а значит, за ошибки отвечает только сама река.

Но именно здесь и кроется главная опасность. Жизнь жертвы можно провести в чувстве беспомощности и затяжных жалобах. А жизнь автора, даже если он многократно оступается, всегда будет насыщена возможностями, поиском решений, чем-то новым. У меня никогда не складывалось впечатление, что авторы довольствуются поверхностными аргументами, почему у них не получилось. Они изучают, что не сработало, и двигаются дальше. Это даёт им шанс выйти за пределы старых представлений о себе и своей среде.

Иногда в обществе могут поощрять позицию жертвы, как если бы это говорило о смирении или умении трезво смотреть на сложившиеся обстоятельства. Но если человек привычно уходит в обвинения внешнего мира, он перестаёт замечать возможности для манёвра. Именно поэтому считаю, что смена этой стратегии требует не просто психологического вдохновения, а серьёзного пересмотра всей картины мира.

В конечном итоге жертва и автор продолжают существовать в нашем сознании одновременно. В каждом новом проекте, в каждом новом кризисе мы можем выпустить вперёд своего автора или дать слово жертве. Может быть, никто не избавляется от жертвенности навсегда, но те, кто научились распознавать эти внутренние голоса, лучше контролируют ситуацию. Они замечают, когда страхи пытаются блокировать решение, и напоминают себе, что всегда можно сделать хотя бы небольшой шаг вперёд.

Именно так, на мой взгляд, формируется принцип личной

ответственности: мы перестаём винить всех вокруг и понимаем, что наши достижения напрямую связаны с личными усилиями, пусть и несовершенными. Этот принцип не обещает идеальных результатов, но укрепляет волю, развивает умение искать пути в непростых условиях и помогает относиться к ошибкам как к нормальному этапу развития.

Надеюсь, что, читая эти страницы, кто-то из читателей поймёт, в какие моменты он сам склоняется к роли жертвы, а в какие – к роли автора. Это действительно вечная битва: первый голос зовёт к спокойствию и отчуждённости, второй подталкивает к движению, иногда болезненному, но почти всегда дающему шанс на новое. И как бы высоки ни были барьеры, человек, делающий выбор в пользу авторства, со временем обнаруживает, что обретает не только свежие идеи, но и способность влиять на свою судьбу гораздо сильнее, чем ему представлялось раньше.

Глава 3. Цена обвинений и упущенных шансов

Многие люди тратят колоссальное количество времени и сил на выяснение того, кто виноват в неудачах. В разговоре с ними нередко звучат упрёки в адрес начальства, семьи, правительства, экономических условий или «особых» исторических обстоятельств. Эти упрёки дают ложное чувство облегчения: если безвыходное положение вызвано факторами извне, значит, никакой личной вины нет. Однако практика показывает, что такая позиция стоит слишком дорого. Когда всё сводится к жалобам и обвинениям, свободная энергия, которая могла бы пойти на поиск реальных решений, улетучивается почти бесследно.

В деловой среде подобная тяга к поиску виноватых чаще всего оборачивается провалом. Существует известный случай одной компании, занимавшейся выпуском бытовых устройств. Её топ-менеджмент годами объяснял неудачные продажи тем, что рынок «захвачен» конкурентами, а у потребителя сформировались неправильные вкусы. Вместо анализа реальных запросов и адаптации производства к новым тенденциям, команда погрузилась в споры о том, как несправедливо устроен рынок. Проекты по модернизации откладывались, продукция продолжала морально устаревать, а недовольство только нарастало. Финансовые по-

тери увеличивались, и в итоге предприятие было продано за бесценок конкурентам, которые изначально были готовы к переменам и не тратили время на жалобы. Практика внедрения инноваций потребовала гораздо меньше сил, чем затянувшаяся борьба с «внешним врагом».

Внутри семьи ситуация может разворачиваться по аналогичному сценарию. Порой супруги при возникновении любого конфликта без раздумий обвиняют друг друга или родителей второй половины, которые «вмешались». Накопленные обиды занимают всё внимание, уже не остаётся ресурса для спокойного обсуждения проблем. Каждая ссора превращается в поиск поводов сказать: «Это ты виноват, потому что…» или «Если бы не твои родственники, всё было бы иначе». В результате реальные пути к примирению не обсуждаются, отношения скатываются к постоянному напряжению. Обвинения создают иллюзию защиты своей правоты, но при этом отнимают способность слышать, договариваться и исправлять ситуацию. С годами атмосфера в такой семье бывает настолько отравлена взаимными претензиями, что уже трудно вернуться к конструктивным разговорам.

Не менее яркие примеры наблюдаются в политической среде. Есть случаи, когда лидеры стран городов или регионов вместо решения конкретных проблем ищут глобальных «противников», которых можно обвинять за местные неурядицы. Один мэр обвиняет центральную власть в том, что бюджеты регулярно сокращаются, и якобы поэтому дороги

не ремонтируются и школы не оснащаются. Всё внимание в местных новостях приковано к конфликту с «верхами». Однако позже выясняется, что даже те деньги, которые приходили из центра, использовались неэффективно. Проблема оказывается не столько в лимите средств, сколько в отсутствии управленческого подхода и прозрачного контроля за расходами. Городу приходится столкнуться с серьёзной социальной напряжённостью, потому что за несколько лет от местной администрации не поступило ни одного действенного плана по улучшению инфраструктуры. Большая часть усилий уходит на критику внешних факторов, тогда как собственные резервы не были активированы. Бывает такое?

Становится заметно, как в любой из этих сфер – бизнес, семья или политика – акцент на поиск «внешнего врага» практически всегда мешает увидеть возможности для внутренних изменений. К сожалению, эта потеря управленческого и творческого ресурса часто остаётся незамеченной. Люди испытывают мимолётное облегчение, когда находят «виноватого», но упускают из виду, что вместе с обвинением уходит ощущение собственной влиятельности на ситуацию. Со стороны это порой выглядит, словно команда на корабле, которая ругает шторм, но не предпринимает никаких мер для спасения судна.

Каждый раз, когда человек перекладывает вину за свою неудачу на кого-то другого, он упускает шанс разобраться

в собственных шагах, которые могли быть улучшены. Если уйти в жалобы, то не придётся честно отвечать на вопрос: «Что конкретно было сделано или не сделано, чтобы выйти из тупика?» Но без такого анализа прогресс редко бывает возможен. Нет смысла отрицать влияние внешних условий, однако процесс обвинений обычно замораживает инициативу: уже не идёт речь о том, какие действия можно предпринять прямо сейчас, чтобы сдвинуть ситуацию в лучшую сторону.

Стоит отметить, что люди, которые систематически переводят стрелки вовне, рискуют не только текущими результатами, но и будущим. Полезная энергия расходуется на обиды, тогда как поиск решения перестаёт восприниматься как приоритет. С каждым приступом обвинений эти люди всё дальше отдаляются от проактивного подхода. Через некоторое время наступает ощущение тотального бессилия, потому что привычка бросать упрёки извне закрепляется, а навыки самостоятельного управления своими возможностями увядают. Специалисты по организационной психологии отмечают, что в атмосфере взаимных обвинений прогресс компании замирает почти мгновенно. Похожий процесс происходит в семейных отношениях, когда критические замечания и упрёки доминируют над желанием услышать собеседника.

Всё это приводит к важному выводу: в каждую минуту, потраченную на обвинения, человек фактически отдаёт рычаги управления своей жизнью. Пока внимание сосредото-

чено на чужих проступках или промахах внешних факторов, личная зона влияния незаметно сужается. Эта цена далеко не всегда очевидна, потому что обидно признавать, что виноват не кто-то, а собственные решения или их отсутствие. Но по мере того как подобная позиция становится привычкой, всё больше шансов скатывается в пустоту. Дела стоят на месте, время уходит, ни один серьёзный проект не продвигается. Идеи остаются в тени, а потенциальные партнёры расценивают постоянные жалобы как показатель неб надёжности.

В отличие от такой деструктивной модели, люди, которые стараются разобраться в собственных недочётах и ищут возможности для манёвра, чаще успевают ухватить благоприятную ситуацию. Им не чужды эмоции и огорчения, но жалобы не занимают главного места в их поведении. Для них смысл любого кризиса в том, чтобы извлечь урок и перепробовать новые варианты. Если не получается пойти напрямую, они ищут обходной путь, а не бездействуют и не тратят силы на возмущение. Именно такая постоянная нацеленность на управление имеющимися ресурсами отличает их от тех, кто предпочитает длительное обсуждение внешнего врага.

Вывод напрашивается сам собой: обвинения лишь на короткий миг приносят чувственное удовлетворение, однако конечная цена этой привычки слишком высока. Уходят месяцы, а иногда и годы, пропускаются ценные перспективы,

останавливается развитие. Впрочем, понимание этой закономерности уже даёт шанс на перемены. Достаточно в момент, когда язык просит озвучить очередную жалобу, спросить себя: что на самом деле изменится от этих претензий? Какие рычаги влиять на ситуацию сейчас утрачиваются? Сосредоточившись на подобных вопросах, можно заметить, что энергия нужна вовсе не для спора с внешними обстоятельствами, а для самостоятельного действия. Такая переориентация открывает дорогу к реальным переменам, которые кажутся недостижимыми тем, кто предпочитает обвинять других.

Глава 4. Первые ростки личной ответственности

Многие философские системы и духовные традиции с древности уделяли внимание тому, как человеку следует относиться к собственным поступкам и последствиям. Ранние идеи о том, что личная свобода воли и выбор играют ключевую роль в формировании судьбы, встречаются в самых разных уголках планеты. Эти мысли далеко не всегда звучали в современном понимании «каждый отвечает за свою жизнь», но именно они подготовили почву для того, что сегодня именуется принципом личной ответственности.

Одной из влиятельных традиций, признающих решающую роль внутренней установки, стал **стоицизм**. Он возник в Древней Греции, но впоследствии расцвёл в Древнем Риме благодаря таким мыслителям, как Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий. Стоики настаивали: человек не может полностью контролировать внешние события, но может выбирать, как к ним относиться. Именно внутренние суждения, ценности и решения принадлежат ему целиком. Стоическая практика включала упражнения по самонаблюдению и самоконтролю: практикующий стоицизм стремился отделить то, что зависит от его воли (мысли, намерения, поступки), от того, что диктуется внешним миром (обстоятельства, правители, войны, кризисы). В такой системе ответственность не означает

тотальный контроль над событиями, а подразумевает ответственность за то, как человек распоряжается доступной ему областью свободы.

Некоторые ранние **религиозные учения** тоже содержат отголоски этой темы. Во многих религиозных текстах так или иначе говорится о том, что выбор между добром и злом или между действием и бездействием не может быть навязан извне – каждый несёт груз собственного решения. В нескольких библейских эпизодах встречаются указы, когда людям предлагается «или следовать, или отказаться», намекая, что присутствует элемент личной воли. В рамках христианской мысли впоследствии возникла дискуссия о соотношении божественного предопределения и свободы воли. Несмотря на многочисленные богословские споры, общая идея «несения ответственности за свои поступки перед Богом лично», идея личной свободы, свободы, порождающей ответственность – стала довлеющей во многих христианских деноминациях.

В **восточных практиках** также прослеживается идея о том, что человек обладает определённой степенью свободы, позволяющей ему укреплять свой характер и влиять на поток событий. В даосизме, к примеру, подчёркивался естественный ход природы (Дао), но человек может искать гармоничное «встраивание» в него через личное мастерство и внутреннее очищение. В буддийской традиции внимание уделяется тому, как наши сознательные и бессозна-

тельные выборы создают карму (кармические последствия). Хотя под кармой часто понимается нечто роковое, классический взгляд предполагает, что именно решения индивида, в том числе духовные и моральные, формируют будущее. Такой подход приучает принимать последствия не как наказание извне, а как закономерное следствие собственных действий и мыслей.

Все эти ранние учения ещё не выстраивали прямолинейную концепцию «я ответственен за всю мою жизнь». Однако они прививали понимание: даже если мир подчиняется Богу, богам, божеству, судьбе или природным законам, человек не освобождается от необходимости осознавать свои выборы и платить за них определённую цену. Постепенно это сформировало благодатную почву для того, чтобы мыслители, учёные и обычные люди стали всё чётче выражать идею личной инициативы и свободы.

В современных терминах такие воззрения перекликаются с психологическим понятием **locus of control** (локус контроля). Этот термин появился в середине XX века в исследованиях Джулиана Роттера и коллег. Под локусом контроля понимается устойчивое убеждение человека о том, где находится источник контроля над его жизненными событиями – внутри него самого (внутренний локус) или во внешних факторах (внешний локус). Те, у кого выражен внутренний локус, склонны считать, что их действия и усилия напрямую влияют на результаты, будь то успехи или пораже-

ния. Внешний локус, напротив, проявляется в постоянных отсылках к обстоятельствам, удаче или воле более могущественных сил.

Исследования показали, что люди с выраженным внутренним локусом контроля обычно обнаруживают более высокую мотивацию, лучше справляются с неудачами и проявляют стабильность в достижении долгосрочных целей. Им проще адаптироваться к изменениям, поскольку они не тратят время на переживания о «неправильном» мире, а занимаются тем, что в их силах изменить. Тогда как люди с выраженным внешним локусом нередко подвержены чувству беспомощности, усматривают во всём заговор или случай, предпочитают уклоняться от экспериментов, боясь столкнуться с собственными ошибками.

Изучение локуса контроля в психологии стало важной ступенью для формализованного понимания личной ответственности. По сути, внутренний локус можно рассматривать как психологическую основу, из которой логически вытекает принцип «каждый отвечает за свой выбор, цели и вклад в происходящее». Впрочем, речь не идёт о полной иллюзии всесилия: в реальном мире всегда действуют внешние силы, но человек с внутренним локусом стремится максимально раскрыть то, что действительно ему подвластно.

Таким образом, взгляды стоиков, ранние религиозные воззрения, восточные практики, а затем и научное изучение locus of control в психологии – все эти факторы постепенно

вели к тому, что личная ответственность стала осознаваться как важнейший элемент самостоятельного развития личности. В рамках деловой или повседневной культуры это понимание оформилось в идею «если человек не отвечает за собственные решения, значит, он добровольно отдаёт право решать за него внешним силам». Либо общество, родственники и начальство диктуют ему, как жить, либо он сам находит возможности и видит смысл в том, чтобы меняться и пробовать новое.

В данной книге речь пойдёт о **Принципе личной ответственности** как о конкретном подходе к жизни, где человек сознательно выбирает играть «авторскую» роль и реже соскальзывает в «жертвенность». Отдельные намёки на это можно было встретить и в античных воззрениях, и в религиозных проповедях, и в буддийской практике самонаблюдения, и в современном психологическом понимании внутреннего локуса контроля. Однако в ближайших главах концепция будет изложена более формально, с учётом исторического и психического контекста, а также применительно к реальным ситуациям, в которых каждый день оказываются современные люди.

Нередко можно услышать, что общества с более развитыми институтами свободы автоматически рождают у граждан чувство ответственности, но исторические факты и многочисленные примеры из жизни показывают, что всё начинается именно с внутренней готовности личности брать на себя

управление собственной судьбой, а не стоять в стороне, ожидая чужого вмешательства. Всё, что перечислено в предыдущих главах – обвинения извне, дух «жертвенности», потеря инициативы, – противоположно тому, о чём размышляли ещё древние мыслители. Они замечали, что никто не избавлен от внешней турбулентности, но каждый способен сохранить ясность решения хотя бы в отношении того, как реагировать. Это и стало зерном будущего понятия личной ответственности.

Часть II. Историко-философские корни: от ранних стоиков до Талеба

Глава 5. Стоицизм и дихотомия контроля

Стоики нередко упоминаются как едва ли не первые, кто сформулировал ясное различие между тем, что человеку действительно подвластно, и тем, что оказывается вне сферы его влияния. Эпиктет, Марк Аврелий и их последователи подчёркивали, что личное благополучие зависит не столько от внешнего мира, сколько от умения правильно распоряжаться тем, что заложено в самом человеке: мыслями, суждениями, моральными установками и волей. Остальное – случай, судьба, социальные условия – подчиняется иным законам, и в большинстве случаев их невозможно переиначить одним лишь желанием. Эта идея, которую позже назвали «дихотомией контроля», стала краеугольным камнем стоической философии.

В труде «Наедине с собой» Марк Аврелий неоднократно повторяет, что судьба может быть суровой, но каждый

вправе выбирать, как реагировать на вызовы. Стоик Эпиктет, в свою очередь, призывал обращать внимание на то, что зависит от нас: стремления, суждения, отношения к событиям. Всё остальное стоики предлагали принимать как есть, без лишнего страдания по поводу того, на что не повлиять никакими усилиями. Главным инструментом в этом становилось осознанное различение «моего» и «не моего», «зависящего от меня» и «находящегося вне моей власти». Такой подход имел несомненную притягательность: он помогал людям сохранять душевное равновесие во времена, когда жизнь была полна войн, болезней и непредсказуемых решений правителей.

Однако в пересказах и интерпретациях нередко звучит мысль, будто стоики только и делают, что призывают смириться. На самом деле в классическом стоицизме нет призыва к пассивности. Философия Эпиктета и Марка Аврелия учила скорее «активному принятию» ситуации. Если внешние условия не подвластны человеку, то его воля должна быть направлена не на бесполезные жалобы, а на осмысленную внутреннюю работу: как достойно преодолеть тяготы или, если у него есть частичная возможность изменить исход, приложить для этого разумные усилия.

Для лучшего понимания можно представить житейскую ситуацию. Допустим, человек обнаруживает, что на его профессию, услугу или товар пропал спрос, и виной тому новая экономическая конъюнктура. Стоик взглянул бы на это

так: рынок не зависит напрямую от моей воли, но я в силах решить, как реагировать на перемены. Можно погрузиться в уныние, заявив, что весь мир против меня, а можно принять происходящее как вызов и учиться новому или осваивать смежные навыки, искать новый продукт. По стоическому учению, осознание того, что какие-то факторы неподконтрольны, не отменяет стремления действовать там, где что-то действительно изменить можно.

Здесь возникают интересные параллели с принципом личной ответственности, который рассматривается в данной книге. И стоическая дихотомия контроля, и идея «каждый отвечает за свою жизнь» сходятся в одном: внешние обстоятельства не обязательно определяют результаты. Если человек сохраняет свободу выбора, значит, он не обязан становиться вечным заложником неблагоприятных условий. Стоицизм при этом подчёркивал, что внешняя реальность огромна и непредсказуема, и пытаться её полностью контролировать – пустая трата сил. Принцип личной ответственности, в свою очередь, не отрицает существование внешних преград, однако склонен призывать к более активной роли: не только к смиренному признанию действительности, но и к поиску способов повлиять на неё.

Некоторые исследователи отмечали, что классический стоицизм даёт базовый психический фундамент для сохранения душевного равновесия: если обстоятельства не благоволят, бесполезно тратить время на гнев или на жало-

бы. По сути, это предупреждение от скатывания в позицию «жертвы», где человек только и делает, что винит окружающих. Стоики призывали: «Сосредоточься на себе и своей реакции». Принцип личной ответственности идёт чуть дальше: «А ещё прояви инициативу, попробуй изменить то, что в какой-то мере доступно твоему влиянию, не отдавая это полностью внешним силам». В этом заключается определённый контраст: стоический настрой больше ориентирует на духовную самодостаточность, а авторский подход к ответственности подталкивает выходить за пределы чисто внутренней жизни и преобразовывать условия.

Неоднократно поднимался вопрос о том, не приводят ли стоические идеи к пассивности. Подчас люди, впервые знакомящиеся со стоицизмом, ошибочно решают, что «принятие судьбы» – это полное бездействие. Но тексты Эпиктета, Марка Аврелия или Сенеки дают понять, что речь шла о разделении: мы не можем диктовать миру, что ему делать, но мы обязаны поступать правильно с учётом обстоятельств и собственных возможностей. Если есть вероятность повлиять, то это нужно делать по мере сил. Если обстоятельства жёстко предрешены, то достойнее всего сохранять внутреннее спокойствие и добродетель, а не тратить жизнь на досаду.

Пример с Марком Аврелием особенно показателен, ведь он был не только философом, но и императором, причем одним из «пяти лучших императоров Рима». Если бы его философия сводилась к «просто смириться и ничего не пред-

принимать», он вряд ли смог бы управлять огромной Римской империей в условиях войн и эпидемий. Напротив, он всячески пытался провести реформы, улучшить ситуацию в армии, хотя и понимал, что далеко не всё зависит от его желаний. Эта тонкая грань между активными действиями и признанием объективных ограничений хорошо вписывается в более поздний принцип личной ответственности.

Сегодня часто говорят о проактивности и локусе контроля, подразумевая, что человек должен прежде всего взвесить, что именно ему подвластно, а что нет. У стоиков эта идея имела более философское выражение: дихотомия контроля, формирующая спокойное отношение к неизбежному и энергичное отношение к тому, где можно изменить исход. Сравнивая это со схемой «бери всю ответственность на себя, если хочешь добиться успеха», можно увидеть, что принцип личной ответственности в ряде случаев выступает как развитие стоического понимания мира. И в то же время между ними остаётся определённая разница.

Стоики считали, что главным критерием должна быть не внешняя победа, а внутренняя добродетель и психическая невозмутимость. По их воззрениям, даже если старания не увенчались успехом, но человек поступил благородно, он уже достиг цели в этическом плане. Принцип личной ответственности обычно больше связан с конкретными достижениями, результатами, развитием карьеры или проекта. То есть если стоику важна в первую очередь правильность

и спокойствие духа, то современная установка на ответственность добавляет к этому акцент на продуктивность, возможность менять обстоятельства на практике.

Однако общее у этих подходов весьма значительное: и там и там говорится о том, что проблемы не должны блокировать способность выбирать дальнейшие действия, а метание обвинений по кругу не решает ни одной задачи. Людям не стоит превращаться в пессимистов, оправдывающих бездействие фразами «какой смысл стараться, если всё равно не от нас зависит». Стоики рекомендуют здравую оценку того, что можно улучшить, и смиренную твёрдость там, где изменить ничего невозможно. Принцип личной ответственности призывает искать личный вклад в каждой ситуации, не впадать в паралич жалоб, а сосредоточиться на тех условиях, в которых ещё есть пространство для манёвра.

Таким образом, можно сказать, что стоическое «принятие» и активный «принцип личной ответственности» пересекаются в том, что оба отвергают бессмысленные жалобы на обстоятельства. Стоицизм обучает сохранять достоинство и равновесие, сосредоточиваясь на том, что зависит от внутренней воли. Принцип личной ответственности учит не только сохранять спокойствие, но и быть готовым к инициативе, если такая инициатива приносит реальные плоды. Их объединяет идея, что человек не должен складывать руки при каждом неблагоприятном ветре, но и не обязан тратить жизнь на бесполезные усилия против того, что непод-

властно. Различие в том, что стоики чаще указывали на духовную составляющую – на работу над характером, тогда как современный подход к ответственности часто подчёркивает достижение конкретных целей.

На стыке обоих подходов рождается модель действия, при которой человек принимает наличие независимых от него процессов, но всё же стремится действовать решительно в пределах возможного. Стоическая дихотомия контроля придаёт внутреннюю стойкость: не получается полностью изменить ход событий – значит, нужно сосредоточиться на том, что всё-таки в наших силах. Принцип личной ответственности, закреплённый в мотивационной и психологической литературе, добавляет к этому призыв к «проактивности», то есть к постоянному поиску возможностей влияния вместо обращения к бессмысленным жалобам.

В дальнейших главах планируется рассматривать, как исторические идеи стоичества и других направлений философии порождали тенденции, которые привели к современному пониманию свободы воли и необходимости для человека самому управлять своей жизнью. Ведь именно от понимания того, что внутренние решения не менее важны, чем внешняя реальность, вырастают иные принципы: быть автором, а не ведомым, брать ответственность там, где это возможно, и не тратить время на споры о том, что недоступно коррекции. Стоики заложили в этом отношении мощный фундамент, который и сейчас находит отражение в идеях о способ-

ности человека выдерживать трудности, ставить адекватные цели и находить смысл в условиях, которые не всегда можно изменить по своему желанию.

Глава 6. Авраамические религии и свобода воли

Авраамические религии, к числу которых относятся иудаизм, христианство и ислам, издавна задавали тон размышлениям о добре и зле, о смысле жизни и о том, насколько человек вправе распоряжаться своей судьбой. Они признают, что миром правит воля Всевышнего, способная определять ход истории, однако при этом возлагают на каждого человека обязанность отвечать за собственные решения, как если бы он действительно оставался свободен в своих поступках. Внешне здесь просматривается парадокс: если Бог всемогущ, разве не записано всё наперёд, так что любое деяние изначально предрешено? Но эти традиции находят иную логику: Творец даровал людям возможность делать выбор, ожидая от них не пассивного подчинения судьбе, а скорее готовности сотрудничать с Небом или противостоять ему, что в итоге и определяет этическую оценку каждого шага. В иудаизме особое внимание уделяется идее союзных отношений между Богом и Израилем, где Небесная сторона обещает поддержку и благословение, а народ обязан хранить завет и исполнять заповеди, причём не формально, а искренне и сознательно, различая, что хорошо и что плохо. Отсюда и бесконечные призывы пророков: «Выберите жизнь, не следуйте путями, ведущими к погибели». Если бы всё управ-

лялось помимо человеческой воли, эти обращения к покаянию и к перемене поведения были бы бессмысленны, ведь человек оказался бы лишь куклой на нитях истории. Однако в библейских книгах то и дело говорится, что Господь «предложил» людям благословение и проклятие, давая тем самым понять: они не могут оправдывать бездействие или преступные дела отсутствием свободы. Примерно тот же посыл повторяется во множестве сюжетов: ничто не мешает злодею развернуться к добру, и никто не застрахован от того, чтобы погрузиться во зло, если осознанно перестаёт слушаться голоса заповедей.

Схожее напряжение между всемогуществом Бога и личным вкладом человека видно и в христианстве. С одной стороны, провозглашается, что без божественной милости ни одно создание не в состоянии спастись, да и сама жизнь берёт начало от Бога. С другой, евангельские истории, в частности притча о талантах, подчёркивают, что человек обязан распоряжаться данными ему дарами, стараясь их приумножить, а не прятаться под предлогом «мир слишком опасен» или «всё и так решено свыше». Ведь в притче хозяин возвращается и видит, что один слуга заложил ресурсы в оборот и удвоил богатство, а другой просто закопал, опасаясь рисков. Награда ждёт тех, кто действовал, а ленивого или страшащегося ждёт упрёк и потеря даже того, что у него было. Так возникает парадокс: мир управляется Богом, но Он же даёт свободу рисковать, преображать имеющиеся условия

и не признавать отговорок вроде «у меня нет гарантий». Богословские споры в христианстве, особенно в период формирования католической доктрины и позже в эпоху протестантской Реформации, ещё более обострили эту тему, задавая вопрос: «Если Бог знает всё наперёд, сохраняется ли простор для воли человека?» И окончательный вывод почти всегда сводился к тому, что да, сохраняется, потому что без воли личной не может быть ни подлинной веры, ни искреннего послушания, ни осмысленного следования добру, ни настоящей ответственности за грех. Тогда человек не просто исполняет некий сценарий, но и выбирает, участвовать ему в благом деле или отвернуться и пойти по пути разрушения.

В исламской традиции выделяется положение о кадаре, то есть о предопределённости того, что происходит в мире, согласно воле Аллаха, и именно Аллах лучше всех знает, что было, есть и будет. Но одновременно Коран постоянно напоминает, что никто не вправе считать себя освобождённым от действий, потому что «Аллах не меняет положение людей, пока они сами не изменят то, что в них». Это подразумевает, что благополучие или упадок зависит не только от замысла свыше, но и от решимости человека, его желания бороться, преодолевать, учиться и исправлять зло. И даже если верующий убеждён, что всё подчиняется Аллаху, ему полагается прилагать ум и энергию на практике, например, защищать справедливость, помогать слабым, создавать блага в сообществе. Любая попытка снять с себя ответственность и сказать:

«Мне всё равно, Аллах решит», рассматривается как нарушение того самого доверия к Богу, который дал человеку разум и возможности. В многочисленных хадисах указывается, что пророк Мухаммад не поощрял пассивности и не позволял оправдываться «предопределением». Скорее наоборот, исламская культура воспитывала в людях привычку искать пути, не отступать от трудностей и помнить о грядущем Дне суда, где всё тайное станет явным.

Все три религии, несмотря на различия в богословских деталях, сходятся на том, что человек несёт подлинную вину за злоупотребление своей частью свободы, а также заслуживает praise, если выбирает труд и добродетель. Именно это создало фундамент идеи, которую в современном языке иногда называют locus of control, а в контексте данной книги – принципом личной ответственности. В древние века, когда люди верили в могущественных богов, иногда появлялось искушение: «Раз боги или Бог всё решают, то мои старания не имеют значения». Авраамические традиции объясняли, что это ложная логика. Да, существует высшая воля, но это не отнимает твою обязанность нести личный выбор. И если ничего не предпримешь, отговорившись «окружение не то», «время неподходящее» или «такова судьба», это в глаза религии звучит как самооправдание, не снимающее вины за бездействие. Отсюда же и образ третьего слуги в евангельской притче, который был осуждён за то, что закопал деньги, опасаясь внешних факторов и не пытаясь их

преодолеть.

В иудаизме на протяжении веков формировалась идея, что успех общины зависит от поведения каждого, а потому никто не может сказать, что его вклад не важен. Народ Израиля пережил множество изгнаний, но повсюду раввины и мудрецы Торы учили: да, условия тяжёлые, иногда страшные, но всё равно человек, соблюдая заповеди и проявляя внутреннюю волю, сохраняет связь с Богом и влияет на будущее потомков. В христианстве, будь то католическое или протестантское, много писали о необходимости использовать способности, данные Богом, не сетуя на плохую эпоху или отсутствие покровительства. Спустившись на более бытовой уровень, эта мысль породила уважение к труду, предпринимательству, честной работе, потому что нищету и лень в ряде случаев рассматривали как признак духовной апатии. В исламе формировалась культура особого почитания личной инициативы и упорства, ведь не зря говорится, что Всевышний любит тех, кто старается преуспеть в хорошем деле, и не любит пустых оправданий.

Таким образом, в основе всего лежит сознание, что человек – хоть и частично, но всё же хозяин того, как он распоряжается собой. Бога никто не отменял, промысел всевышний тоже, однако колоссальное внимание уделяется волевому началу, возможности либо раскрыть данное, либо погубить его. Современные мотивирующие тренеры, когда говорят, что любой, кто хочет, может выстроить для себя но-

вую траекторию жизни, во многом бессознательно опираются на эту длинную традицию: если даже в средневековье при совсем жёстком мировоззрении религии утверждали, что человек не должен сваливать всё на «волю неба», то тем более в эпоху развития науки и технологий ему не следует опускать руки и жаловаться, что «всё давно прописано».

Многие исследования показывают, что идея свободы воли и личной ответственности, сформировавшаяся в авраамических культурах, повлияла на тот самый «проактивный» настрой, который позже был переработан в философии Просвещения, в этике предпринимательства и в концепциях саморазвития. Там, где люди привыкли мыслить: «За всё ответим, значит, надо включаться и действовать», обычно наблюдался рост социальной и экономической активности. Напротив, там, где преобладало убеждение: «Нет никакой свободы, всё за нас решено», часто распространялась апатия и обвинительное отношение к миру. Поэтому для понимания истоков принципа личной ответственности полезно помнить, что он далеко не новое изобретение: в основе лежит тысячелетнее послание, напоминающее о том, что нельзя зарывать таланты, ждать особых условий или оправдываться при каждом неуспехе, ибо у тебя на руках уже есть дар – твоя доля свободы. Не применил её – отвечай.

С этой точки зрения смешно видеть, когда кто-то, формально причисляя себя к иудеям, христианам или мусульманам, живёт в режиме вечных жалоб на «негативную реаль-

ность» и отказывается искать выход. С точки зрения их же священных книг и традиций, подобное поведение приравнивается к неверности Завету, к греху или к упущению шанса, который предоставлен Богом, чтобы показать, на что способен человек. Часто можно встретить, как в семьях, считающих себя религиозными, кто-то произносит: «Если Всевышний пожелает, будет так», подразумевая абсолютную безнадёжность. Но сама религия учит иному: приложи усилия, веруй и старайся, ведь именно таким образом человек и осуществляет волю Творца, а не прячется от реальности. Конечно, предопределение признаётся, но оно часто касается рамок событий, а не отменяет того, что мы наделены выбором.

Именно здесь и становится понятнее, почему сегодня, когда речь заходит о личной ответственности, порой ссылаются на религиозные притчи, стараясь показать сквозь призму древних текстов, что принцип «бери жизнь в руки» не является примитивным американским позитивчиком, а зиждется на давнем убеждении: Бог желает видеть в человеке не раба в пассивном смысле, а добровольного участника замысла. Эта установка хорошо перекликается с мыслью, что не нужно ждать «правильного правительства» или «счастливого случая», чтобы начать действовать. Человек, как считал ветхозаветный пророк, может развернуться и пойти за добром в любой момент, а если упорствует во зле или бездействует, сам получит соответствующий итог. В конечном счёте, такая логика формирует психологическую привычку спрашивать

с себя, а не с окружающей среды, и не с высших сил. И если при этом начинает появляться ощущение соучастия в собственной судьбе, значит, человек улавливает тот самый духовный урок, заложенный в книгах и пророчествах ещё тысячелетия назад.

Таким образом, религиозный дискурс о свободе воли и предопределении, традиционный для иудаизма, христианства и ислама, создал общую модель отношения к ответственности, которая сохраняется и в сугубо светских разработках по личностному росту. Вера в божественный контроль над миром и вера в то, что человек должен проявлять себя, хоть и кажутся несовместимыми, на деле уживаются, позволяя людям чувствовать, что не всё в их власти, но и не всё решается без их участия. Этика при этом выходит на первый план: если можешь сделать шаг к исправлению или развитию, ты обязан сделать это, иначе станешь как бесполезный слуга, не пожелавший распоряжаться ресурсами, а только твердивший о проблемах. Ключевая мысль звучит во всех трёх религиях: Бог не принимает увещеваний, что «всё плохо вокруг», потому что ожидает, что человек исполнит хоть ту часть, которая ему доступна. Из такого подхода и произрастает ответ на вопрос, откуда появились манифесты «возьми ответственность за жизнь» или «перестань обвинять судьбу»: они в существенной мере продолжают канву, вытканную богословами, пророками, писателями, да и просто верующими, которые веками пытались не пасть

духом, сталкиваясь с самыми разными испытаниями и убеждаясь, что оправдания не освобождают от последствий.

Глава 7. Эмерсон и самоопора (self-reliance)

Ральф Уолдо Эмерсон вошёл в историю США как один из ключевых мыслителей, чьи идеи повлияли на формирование культуры индивидуализма и веры в собственные силы. В первой половине девятнадцатого века, когда молодая американская нация всё ещё искала самоидентификацию и отдельные мыслители стремились отвязаться от традиций Старого Света, Эмерсон оказался в центре зарождающегося трансценденталистского движения. Его работы, особенно эссе, обращали внимание на то, что человек способен полагаться на собственный внутренний голос, а не на догмы и общественные авторитеты. Подобный призыв высекал искры споров в обществе: одни считали самоопору культом эгоизма, а другие признавали её искрой свободы, столь созвучной американскому духу. С годами стало понятнее, что идеи Эмерсона начали проникать в самые разные области – от литературы до политических баталий – и сформировали базу того, что в дальнейшем получило название культуры личностного роста. Я очень рекомендую всем читать работы Эмерсона, начиная с «Эссе».

Важнейшим трудом Эмерсона, собравшим его взгляды воедино, стало эссе «Self-Reliance», опубликованное в 1841 году. В нём провозглашалась мысль, что человек

не обязан пассивно принимать мнения или ожидания окружения. Вместо этого рекомендуется вслушаться в собственное «Я» и следовать тем наитием, которые идут из глубин внутренней природы. По сути, это было продолжением идей трансценденталистов о том, что внутри каждого таится искра божественного начала, а потому в каждом есть способность к творческой и нравственной самодостаточности. Старый порядок, где личность приглушалась традициями, религиозными авторитетами и семейными ожиданиями, вызывал у Эмерсона подозрение: не слишком ли часто люди зарывают собственные таланты и мысли, опасаясь неодобрения общества? Он призывал отбросить подобные страхи и проявить доверие к внутреннему голосу, пусть даже это приведёт к конфликтам с окружающими. В результате эссе звучало как манифест: «учитесь быть собой», «не соглашайтесь бездумно с чужим мнением», «дерзайте излагать собственные идеи, даже если они идут вразрез с общественными нормами».

Такая идея была достаточно смелой для той эпохи. Американское общество XIX века уже стремилось к самостоятельности от европейских институтов, но ещё оставалось во многом привязанным к консервативным обычаям и церковным взглядам. Эмерсон же предлагал пренебречь традиционным пиететом перед предками и классическими образцами, ведь, по его мнению, прогресс человечества заключается не в повторении чужих истин, а в умении мыслить свежо

и самостоятельно. Он утверждал, что истинное великодушие и сила характера определяются способностью идти наперекор общественным клише, опираясь на собственный разум и интуицию. Не удивительно, что многие читатели находили подобные тезисы вызывающими. Консервативно настроенные наблюдатели порой обвиняли Эмерсона в подрыве общепринятых нравственных устоев, полагая, что если каждый станет полагаться лишь на себя, общественный порядок начнёт рушиться. Однако были и те, кто чувствовал дыхание свободы в этих строках: молодые авторы, учителя, реформаторы общественного строя.

Эмерсон показывал опасность зависимого мышления, когда человек лишь повторяет за кем-то чужие фразы и боится высказать собственную. Его эссе словно приглашало к смелой проверке себя: «Каковы на самом деле твои мысли? Почему доверяешь чужим правилам больше, чем своему духу?» Порой в этих вопросах слышался резкий тон, будто автор желал встряхнуть читателя, заставить заметить, как легко большинство предпочитает плыть по течению, негодуя на внешние ограничения. Взамен предлагалось узреть внутренний стержень, который способен прорваться наружу, если не глушить его страхом перед общественной оценкой. Эмерсон при этом не говорил, что жить по своим законам – значит становиться асоциальным или безнравственным. Он считал, что моральный закон, располагающийся в глубине души, лучше всяких церемоний и догматов, если только че-

ловек искренен и не обманывает себя. Именно эта мысль о внутреннем компасе, превосходящем внешние наставления, легла потом в основу множества течений, связанных с саморазвитием и психологической самопомощью.

Было любопытно, что и сам стиль письма Эмерсона отличался смелым разбросом идей: он то обрушивался на пошлость заимствованных мнений, то восторгался силой неоформленной мысли, только что родившейся в уме отдельного индивида. В этом стиле легко угадывалась горячая вера в то, что каждый несёт в себе искру оригинальности, а задача – не дать ей погаснуть под гнётом приличий. Подобное отношение вызывало у ряда современников подозрение в излишнем эгоцентризме. Но для культуры, которая стремилась вырастить новые принципы независимости, такие высказывания смотрелись революционными: они позволяли оправдать отказ от некоторых старых принципов и обосновать значение личной инициативы. В конце концов Америка формировалась как земля для тех, кто сам берёт на себя смелость рисковать и не нуждается в постоянном руководстве извне. Эссе «Self-Reliance» напоминало, что даже в иных сферах, не ограниченных политикой, действует тот же принцип самоопоры: нравственная опора тоже может быть личной, без передачи полномочий на сторону.

По прошествии времени стало очевидно, что воздействие Эмерсона касалось не только публицистических или политических кругов, но и самой глубины американского мировоз-

зрения. Под его влиянием и близких ему мыслителей-трансценденталистов (в том числе Генри Дэвида Торо с его знаменитым трудом «Жизнь в лесу») оформилась типичная для США установка на самостоятельный путь, на деловую активность, на независящую от государства или общества волю к самоорганизации. Для многих читателей сочинений Эмерсона родилось убеждение, что не стоит ждать указаний от кого-то сверху, будь то род или правитель. Вместо этого нужно уходить вглубь себя, распознавать те творческие и интеллектуальные силы, которые есть у каждого, а затем прокладывать дорогу в соответствии с ними. Так получалась платформа, которая позже, уже в конце XIX – начале XX века, послужила толчком к развитию американского самосовершенствования и бизнес-коучинга, где часто звучало: «Веришь в себя – значит, можешь создать новое предприятие, вопреки сомнениям окружающих».

Некоторые исследователи отмечали прямые линии преемственности: если ранние пуритане делали акцент на личном труде и обращении к Богу напрямую, то Эмерсон придал этому ещё более индивидуалистическое направление: обращаться нужно к внутреннему божественному источнику, скрытому в каждом. Вместо принятия догматических истин, он советовал доверять своей совести. А весь коллективный уклад воспринимался им как нечто подозрительное, скорее способное «растворить» в себе человека. Поэтому критики замечали, что такой подход слишком индивидуа-

листичен, ведь важные общественные дела нередко требуют совместных усилий. Однако даже здесь тезисы Эмерсона находили отклик: чем ответственнее и зрелее единица общества, тем сильнее само общество, а значит, собственное развитие каждого гражданина работает на общее благо.

В более поздний период, когда в США распространилась литература self-help, сформировалась индустрия личного роста и мотивационные книги стали привычным элементом культуры, имя Эмерсона достаточно часто всплывало в качестве «предтечи». Говорили, что он заложил ценность доверия к себе и единоличной ответственности за свой успех или провал. Эти мотивы достигли пика к середине и концу XX века, когда в американском обществе окрепла уверенность, что можно оторваться от прежних правил и самостоятельно достичь процветания в жизни – было бы желание и упорство. Эмерсон, чьи идеи исходно имели философско-литературный характер, неожиданно оказался важен для деловых кругов: предприниматели цитировали его строки о том, что великое может родиться из одной лишь решимости идти своим путём, не слушая укоризн окружающих.

Некоторые современные психологи, занятые вопросами самореализации, напоминают, что Эмерсон, несмотря на весь налёт романтики, был достаточно твёрд в убеждении: без внутренней смелости, подкреплённой действиями, никакие «программы» роста не сработают. Если человек считает, что всё ему расскажет эксперт или социальная система, то

путь к подлинной свободе так и не будет обнаружен. Именно здесь, в призыве к личной интеллектуальной и духовной самостоятельности, и кроется главная связь Эмерсона с тем, что позже назвали «принципом личной ответственности». Следуя его логике, трудно вообразить, что кто-то, положившись на «духу времени» или внешние силы, сохранит ту глубину самоуважения, которая, по мысли автора «Self-Reliance», рождает истинное творческое горение. Конечно, в современном мире появилось немало интерпретаций искажающего характера, где самоопора может превращаться в агрессивный эгоцентризм, не признающий границ. Но в самом первоначальном смысле, сформулированном Эмерсоном, это была установка на то, что человек способен услышать уникальную мелодию своей души, а вместе с ней и моральный закон, не зависящий от сторонних регуляторов.

Сейчас теории о саморазвитии любят говорить, что «каждый сам кузнец своей судьбы». В риторике подобных формул можно уловить отзвук эссе «Self-Reliance»: без доверия к собственному началу и без умения отсечь поток случайных или устаревших мнений невозможно взрастить истинную автономию. В конце концов, Америку нередко описывают как страну, в которой люди более отчуждённо, чем в Европе, относятся к традициям и «не писанным» общественным соглашениям. Это отчасти наследие эпохи, когда мысли Эмерсона стали оправданием: не нужно слепо копировать европейский культурный багаж, есть право на создание сво-

его мира, где решают внутренние прозрения. Подобная «самоопора» зашагала далеко за литературу, распространяясь на экономические и социальные эксперименты, и в итоге повлияла даже на формирование большого рынка услуг психологической и коучинговой помощи. Ведь в основе этих услуг звучит тот же тезис: никто не прикажет личности раскрыть свой потенциал, всё зависит от её внутренней решимости, а остальные лишь консультируют и настраивают.

Подобные идеи не вызывали единодушного восторга ни в XIX веке, ни позже, ведь у самоопоры немало критиков, считающих её прикрытой формой нарциссизма. Но для традиции американского личностного роста, укрепившейся в XX веке, Эмерсон остаётся в числе истоков. Он показал, что общественное мнение может легко превратиться в преграду, которая сковывает талант. Он утверждал, что моральная ответственность перед самим собой и перед высшим принципом в душе гораздо сильнее страха осуждения. Его сочинение «Self-Reliance» прозвучало как отклик на зарождающуюся уверенность в том, что неповиновение привычным канонам нередко ведёт к расцвету нового и настоящего. Для любых последующих авторов, рассуждающих о том, как важно «не прятаться в тени обстоятельств и не ждать чужих разрешений», в известном смысле дорогу проложил именно Эмерсон.

Таким образом, можно подвести итог: Ральф Уолдо Эмерсон задолго до сегодняшних коучей и гуру самопомощи

сформировал тезисы, которые питали принципы личной ответственности, мотивации и веры в собственные силы. Он взывал к возможностям индивида самостоятельно найти истину в себе, отбросить избыточное благоговение перед социальным окружением и довериться внутреннему компасу. И хотя в его время такие воззрения выглядели почти экстремальными, позже они легли в основу культуры, приветствующей частную инициативу, новаторство и отказ от роли «жертвы» существующих норм. Поэтому, когда в XX веке в Америке набирали популярность различные программы личностного роста, коррни их восходили ко многим источникам, но одним из важнейших предшественников был именно Эмерсон со своим призывом к самоопоре как истинному источнику силы и свободы.

Глава 8 Современная эра: от «новой мысли» к «коучингу»

В начале двадцатого века в Соединённых Штатах набирала обороты так называемая «Новая мысль», или New Thought, которую можно считать предшественником целого пласта литературы и практик, связанных с саморазвитием и личной эффективностью. Писатели и ораторы этого направления убеждали, что «человек формирует свою судьбу» не только силой привычек и упорства, но и посредством особых ментальных установок. Книги, выпущенные под маркой Новой мысли, сочетали элементы философии, религии и психологии, обещая, что позитивный настрой и настойчивость в вере о собственных силах способны притянуть успех, здоровье и процветание. Для многих такая идея была радикальной: она стояла в противовес традиционному фатализму или пассивному восприятию жизни, утверждая, что у каждого есть канал влияния на собственную реальность. В этой атмосфере рождались тексты, которые позже получили статус классики в области self-help – от Наполеона Хилла до Дейла Карнеги и Нормана Винсента Пила.

Одним из наиболее заметных авторов, воплотивших в своих трудах эту мысль о человеческом потенциале, был Наполеон Хилл. Его главная книга, «Думай и богатей», вышедшая в 1937 году, стала своеобразным манифестом лич-

ной ответственности за финансовый и карьерный успех. Хилл не столько анализировал внешние факторы, сколько акцентировал внимание на способности каждого человека целенаправленно вырабатывать в себе установки и привычки, ведущие к желаемым результатам. Хотя многие обвиняли его в излишней упрощённости, размытости рецептов и сомнительных фактах, сам по себе посыл «успех начинается в голове» задевал важную струну в американской культуре, уже подогретой идеями самоопоры. Для сотен тысяч читателей эта книга служила стимулом к вере: если упорно следовать принципам, описанным Хиллом, можно преодолеть бедность и создать жизнь по своему вкусу, не завися полностью от капризов экономических кризисов.

Примерно в ту же эпоху Дейл Карнеги выпустил «Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей». В отличие от Хилла, который сосредотачивался на внутреннем настрое, Карнеги делал упор на социальные навыки общения и выстраивание контактов. Однако их объединяло убеждение, что человек не пассивен в отношениях с миром, а сам выстраивает свою репутацию и круг общения. Карнеги показывал, что умение слушать собеседника, корректно его поддерживать и вдохновлять – это тоже составляющая «правильного» отношения к жизни, где результат отчасти заложен в твоих действиях и манере видеть окружающих. Его семинары и книги, созданные на основе собственных наблюдений и примеров, набирали популярность, помогая лю-

дям обретать навыки самопрезентации и уверенности, которые прежде ассоциировались исключительно с природным талантом. В итоге многие стали рассматривать Карнеги как проводника простой, но действенной формулы: если хочешь поменять ситуацию, измени собственное поведение, а не жди, пока всё вокруг сделается удобным по воле случая.

Норман Винсент Пил продолжил эту волну мотивационной литературы, привнеся в неё религиозный компонент. Его книга «Сила позитивного мышления» утверждала, что вера в лучшее не является пустой иллюзией, а работает как психологический фундамент, отталкиваясь от которого можно реально поменять события вокруг. Пил сосредоточил внимание на внутреннем переживании веры: пусть мир будет недобр, но вера в способность Богом вдохновлённой личности перестроить своё будущее придаёт человеку то, что и называется «позитивным мышлением». В каком-то смысле он продолжил линию Новой мысли, хотя и придавал ей христианский колорит. Своё видение он подкреплял историями людей, которые, избавившись от привычки жаловаться на судьбу, начинали находить новые пути к процветанию и гармонии. Подобные сюжеты укрепляли общий тезис: многое зависит от воли и намерений самого человека, а не определяется извне какими-то роковыми силами.

Эти имена – Наполеон Хилл, Дейл Карнеги, Норман Винсент Пил – часто называют в числе тех, кто создал ядро классической литературы self-help. На их идеях стали вырастать

целые индустрии, предлагающие семинары, клубы, курсы, где практика личного роста выводилась на уровень массового продукта. Так возник феномен «self-help индустрии»: сотни авторов и спикеров, зарабатывающих на мотивационных выступлениях и книгах, посвящённых тому, как измениться, как повысить эффективность, как наладить отношения. Подобное явление принесло с собой и плюсы, и минусы. С одной стороны, огромное количество людей получило доступ к методам, помогающим развивать навыки коммуникации, повышать самооценку, строить карьеру. Для кого-то, не получившего необходимых навыков в детстве или в формальной системе образования, эти книги и курсы оказывались откровением, давали надежду, меняли мировоззрение. В Соединённых Штатах, отличавшихся общей атмосферой индивидуализма и предпринимательского духа, эта волна self-help прекрасно прижилась.

С другой стороны, быстро выяснилось, что индустрия self-help нередко работает с искажениями. Некоторые ораторы сводили все проблемы к личной недоработке, подчеркивая, будто любой негативный исход – это целиком твой промах, и никак иначе. Если ты беден, значит, не постарался; заболел – значит, думал недостаточно позитивно. Подобная риторика породила явление, называемое «обвинением жертвы», когда систематические или социальные проблемы перестали признаваться весомым фактором, а вся ответственность перекладывалась на личность. Кроме того, рас-

пространился феномен «токсичного позитива»: безудержные призывы улыбаться, сохранять радость и верить в благополучный исход при любых обстоятельствах порой игнорировали реальность, заставляя людей подавлять естественные чувства горя или возмущения. Наконец, некоторые спикеры, манипулируя темой личной ответственности, пропагандировали методы, не имеющие никакой научной или практической опоры, обещая мгновенное волшебное преобразование по щелчку пальцев.

Несмотря на такие крайности, суть индустрии self-help оставалась связанной с основным тезисом: «Ты способен повлиять на свою жизнь гораздо сильнее, чем думаешь». Это утверждение, конечно, не всегда верно в абсолюте, ведь социальный и экономический контексты могут быть крайне жёсткими. Тем не менее, в американской культуре, да и во многих других странах, сформировалось убеждение, что в масштабах человека действие обычно лучше, чем бездействие, а поиск новых вариантов даёт больше шансов, чем жалобы на устроение мира. Со временем это стало восприниматься как неотъемлемая часть современной философии успеха: если ничего не предпринимать, точно не изменится. И именно здесь проходит красная нить: если ждёшь, что кто-то решит за тебя, останешься в том же положении.

В более свежую эпоху, когда XXI век открыл новые горизонты не только в технологиях, но и в глобальных связях, переосмысление личной ответственности всё равно не ушло.

Напротив, она оказалась востребованной и в финансовом, и в политическом смысле. Одним из ярких мыслителей, предложивших собственный взгляд, стал Нассим Николас Талеб, автор «Чёрного лебедя» и «Антихрупкости». В своей книге «Skin in the Game» он поднял вопрос, что для честной и ответственной системы люди должны нести риски сами, а не перекладывать их на других. Талеб, критикуя поведение крупных банкиров или политиков, объяснял, что когда они рискуют чужими деньгами или жизнями, у них отсутствует тот личный интерес, который бы делал их решения ответственными. Иными словами, если у тебя «шкура на кону», то ты не станешь играть бездумно. Это возвращает к логике: тот, кто принимает решения, обязан осознавать и принимать на себя последствия, иначе мы имеем дело с разрывом между выгодой и рисками.

«Skin in the Game» стало своеобразным вызовом не только для финансового мира, но и для политики. Талеб писал, что если чиновник или экономический эксперт даёт рекомендации, не неся при этом никакого ущерба в случае провала, то его совет ничего не стоит. Если руководство страны начинает войну, а само при этом не рискует жизнью и благополучием, то такой дисбаланс подрывает справедливость. Получалось, что личная ответственность в понимании Талеба – это не только о том, чтобы строить свою карьеру или бизнес, но и о том, чтобы всегда учитывать, чьи интересы затрагивает твой выбор и готов ли ты разделять участь тех, на кого

твой выбор повлияет. Талебову формулировку можно считать модернизированным вариантом «Если ты автор, то отвечаешь за последствия». Возможно, это звучит иначе, чем старое self-help «каждый может добиться успеха», но по сути перекликается с тем, о чём говорили ещё в XX веке: решение принимает индивид, и именно он несёт ответственность, а не анонимные структуры или коллективные «обстоятельства».

Таким образом, в XXI веке идея личной ответственности получает новый виток: её всё ещё продвигают тренеры и коучи, убеждая людей брать жизнь в свои руки, но вдобавок её поддерживают мыслители вроде Талеба, указывая на политический и экономический аспект несения риска. При этом в развитии self-help продолжаются и перегибы, когда людям навязывают «только твоя вина» в ситуациях, где они действительно могут быть ограничены внешними барьерами. Критику токсичного позитива тоже нельзя игнорировать: безоговорочное внушение «всё по плечу, главное – улыбаться» может причинять травму тем, кто сталкивается с тяжёлыми реальными обстоятельствами.

Однако в целом история развития от «Новой мысли» до современных программ коучинга показывает, что в массе своей люди воспринимают тезис «формируешь свою судьбу» как вызов к активности. Наполеон Хилл и Дейл Карнеги недвусмысленно указывали, что без действий внутри самого человека ничего не сдвинется. Самая качественная под-

держка извне не заменит твоей внутренней работы над характером, привычками и социальными умениями. Норман Пил с его акцентом на «силу позитивного мышления» тоже старался внушить, что пассивность или пессимизм – это путь в никуда. Нассим Талеб позже лишь расширил эту установку, заявив, что в эпоху сложных финансовых инструментов и политических интриг люди всё равно обязаны держать «шкуру в игре», то есть отвечать за последствия своих решений.

Если посмотреть на всё это в совокупности, станет очевидно: современная культура, особенно в англоязычных странах, впитала идею, что проактивность и самостоятельная ответственность для отдельной личности не просто желательны, но необходимы, чтобы не стать заложником внешних обстоятельств или чужих игр. Мы видим, как тезис «каждый может творить свою судьбу» прошёл трансформации от небольшой эзотерической среды Новой мысли до массового коучингового движения. Да, он получил критику, особенно за упрощённость некоторых «рецептов успеха», но сумел глубоко укорениться, вплоть до того, что личная ответственность считается одним из важнейших инструментов социальной мобильности: люди, которые доверяют своему влиянию на мир, активнее ищут варианты и реже впадают в состояние выученной беспомощности.

При этом нужно помнить, что даже в самых вдохновляющих трактовках ответственности есть риск игнорировать си-

стемные проблемы или травмы, которые могут потребовать поддержки общества, а не только личной воли. По этой причине вокруг self-help литературы и тренингов нередко ведутся дискуссии: где проходит граница между необходимой верой в себя и наивной верой, что всё зависит только от позитивного настроя. Тем не менее, от Наполеона Хилла до Талеба прослеживается общий стержень: никто не может обещать идеальных условий, но если кто-то вообще берёт на себя управление собственными действиями, он гораздо ближе к желаемому, чем тот, кто без конца ищет виноватых и ждёт «светлого часа». Эту мысль не ломает ни суровая реальность кризисов, ни появление критических реплик о «токсичном позитиве». Синтезируя, можно сказать, что индустрия self-help и философия «Skin in the Game» дополняют друг друга: первая формирует у индивида установку на изменения в частной жизни, а вторая внимает тому, чтобы в сложном мире люди не уклонялись от ответственности за решения, затрагивающие других. В конечном итоге всё это – лишь новые грани одной идеи: личная вовлечённость и готовность отвечать за последствия являются стержнем, без которого мы в лучшем случае остаёмся пассивными зрителями, а в худшем – стороной, которая терпит убытки, пока другие делают выбор за нас.

Глава 9. Принцип личной ответственности в русской мысли

Принцип личной ответственности часто ассоциируется с западной традицией, однако при детальном рассмотрении русской истории и культуры можно найти немало примеров, где идея «своими руками строить свою судьбу» раскрывалась весьма ярко и по-своему уникально. Обычно в отечественном контексте больше говорят о коллективизме, общинности и уповании на «сильную руку государства», но при этом в разные эпохи вспыхивали волны, когда люди и сообщества отстаивали личное право и долг действовать самостоятельно. Если присмотреться к опыту русского купечества и старообрядчества, к крестьянским пословицам, к идее особого пути России, а также к революционным порывам начала XX века, станет видно, что русская мысль не была чужда установке: «Жаловаться можно бесконечно, но только твои собственные шаги превращают мир вокруг в нечто новое».

Одной из любопытных страниц, указывающих на традицию самостоятельности и активности, можно считать старообрядческую и купеческую среду XVIII—XIX веков. Старообрядцы, отвергшие официальные реформы церкви, вынуждены были воплощать принцип «выживем только за счёт собственной воли». Государство и синодальная церковь

нередко относились к ним с подозрением, и им приходилось рассчитывать прежде всего на упорную работу, взаимопомощь внутри общины и нравственную дисциплину. Из таких условий родилось нечто вроде деловой этики, где личное усердие плюс страх Божий формировали очень ответственную модель поведения. Люди, придерживавшиеся этой традиции, верили, что судьба во многом зависит от того, насколько ты готов трудиться и вкладываться в дело, не жаловаться на удары сверху, а принимать собственную участь и искать пути решения. В результате мы видим расцвет ряда знаменитых купеческих фамилий (Морозовы, Рябушинские, Гучковы и другие), связанных со старообрядчеством и оставивших после себя не только крупные предприятия, но и обширную благотворительную деятельность. Именно тогда сложился колоритный образ «купца-старообрядца», который едва ли не аскетически относился к себе, не полагаясь на милости властей, а выстраивая огромные капиталы и оказывая поддержку ремеслу, образованию, храмам своей общины.

Это показатель того, что в русской почве существовал вполне реальный феномен «сами берёмся, сами решаем». Неслучайно некоторые историки пишут, что старообрядческое предпринимательство было целой культурой, включавшей сосредоточенность на собственном вкладе: не сваливай проблемы на других, не жди поблажек, а ищи, как наладить производство, договориться с поставщиками, про-

биться на рынки и при этом не утратить религиозную строгость. Конечно, нередко в рамках этой субкультуры наблюдался жёсткий режим самоконтроля, что могло вести к перфекционизму и напряжённым отношениям в семье, однако сама установка «от моей добросовестности и сил зависит успех» была очевидной. Впоследствии, в поздней имперской России, купцы-старообрядцы, обладавшие огромными средствами, показывали обществу, что без подключения «государственного патронажа» можно выстроить собственное дело и процветать на свой страх и риск. Это притягивало к ним репутацию работяг и неких «самостийных» лидеров, которым чиновные препоны удавалось обходить именно благодаря настойчивому характеру и высокому личному участию в управлении.

Другим пластом, где прослеживается личная ответственность, выступает крестьянская среда со своей поговоркой «умирать собирайся, а рожь сей». Несмотря на то, что крестьянский «мир» исторически был коллективистской общиной, в которую входил каждый дворовладелец, эта коллективность не спасала от необходимости каждому хозяину заботиться о семье и хозяйстве, не рассчитывая только на «дорогих соседей». Работа в поле неумолимо диктовала: если ты сдался, не вышел на посев, не заготовил дров, не подготовил семена, об урожае можешь не мечтать. Постоянные неурожаи, риск стихийных бедствий, засуха, ранние заморозки подталкивали людей к принципу: «трудись, даже ес-

ли всё кажется обречённым, потому что без действия пропадёшь наверняка». Из этой среды и выходили пословицы вроде «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Под лежачий камень вода не течёт», «Где потерял, там и сыщешь». Все они внушали, что, как бы ни были сложны обстоятельства (будь то крепостное право, налоги, поборы государства), без личной усидчивости ничего не изменится к лучшему. Это, конечно, не отменяло коллективных обязанностей вроде совместной обработки или отношения к барщине, однако внутри себя крестьянин знал: сидеть и плакаться – верный путь к голоду. Понятно, что это не совсем «индивидуализм» западного типа, но элемент «у самого хозяина руки не из одного места» был заложен. Традиции сообщают, что даже в русских деревнях, где господствовала замедленность общинного ритма, всё же приветствовали смекалку, любые ухищрения, которые позволяли укрепить свой двор. Считалось, что лентяй всегда будет внакладе, а тот, кто, невзирая на трудности, работает (вкалывает), способен продвинуться. Тот же принцип: «Вам даны условия – морозы, войны, неурожаи, – а ваша судьба всё равно зависит от старания, от готовности следовать ритму природы, пахать и сеять, даже если завтрашний день кажется неопределённым».

В теории кажется, что крестьянин мог погрузиться в жалобы на царя и помещика, и подобное, безусловно, случалось. Но параллельно существовал этот настойчивый крестьянский дух: «Надо сеять, даже если война на пороге; на-

до запасать сено, даже если нет денег». Такая установка, уже более поздними исследователями объясняемая как проявление «русской выносливости», по сути представляла старую идею ответственности: что бы ни творилось, встань и делай своё дело. Любопытно, что уже в XX веке какие-то корни этой традиции стали проявляться в поговорках советской эпохи, типа «Не умеешь – научим, не хочешь – заставим», но там, конечно, преобладал командно-административный тон. А в народной почве издавна было заложено, что без собственного усилия человек «через прялку не переползёт».

Далее следует упомянуть интересное явление, когда русская философская мысль отстаивала самостоятельность России, пропагандируя идею «особого пути». Впервые это всплыло в середине XIX века у славянофилов. Они говорили о том, что страна должна полагаться не на механическое копирование западных институтов, а на своё культурно-религиозное наследие, то есть как бы брать судьбу в свои руки, не ища чужих образцов. Иван Киреевский, Алексей Хомяков и другие пытались доказать, что Россия способна самостоятельно организовать общественную жизнь, отталкиваясь от глубинных православно-соборных принципов. При этом западники вроде Герцена или Чернышевского тоже пропагандировали идею активной перестройки, пусть и с других позиций: они хотели ближе к Европе, но всё равно призывали: «Нам самим решать, как жить, а не только перенимать всё от старых монархий». И хотя вся эта дис-

куссия шла вокруг коллективных движений, там прослеживалась нить: «Не сваливай на прошлое, не жди милостей, нужно самому определять будущее». Можно сказать, что это коллективная форма идеи ответственности: раз тебе не нравится отсталость, «возьми и измени». Конечно, многое оставалось в разряде теории, но общая направленность указывала, что русский дух не обязательно пассивен и «государь за всех решит». Напротив, если открыть тексты западников, то там много призывов к народу, к интеллигенции: народ должен сам избавляться от невежества, прогонять крепостничество, учиться. Это всего лишь ещё один ракурс, в котором идея самоопоры поднималась в публичном пространстве.

Когда настал рубеж конца XIX – начала XX века, в России созрели радикальные движения, которые привели к революции 1917 года. Идея «возьмём всё в свои руки» была мощной движущей силой не только у большевиков, но и у эсеров, у анархистов. Массы действительно надеялись перестать быть «жертвами царизма» и хотели самостоятельно устроить новую жизнь: рабочие управлять заводами, крестьяне – землями, солдаты – ситуацией на фронте. Вот тут принцип «личная (или в новом виде – коллективная) ответственность» проявлялся в форме взрывного энтузиазма: мол, всё зависит от нас, мы свергнем самодержавие, введём справедливое общество. Хотя очевидно, что эти бунтарские стремления в итоге переросли в тоталитарный режим, где индиви-

дуальная свобода и личная ответственность оказались подавлены. Однако на старте революции многие искренне верили, что никто, кроме них самих, не уничтожит старое и не построит новое. В этом смысле она, революция, была тоже частью традиции «перестань ждать сверху, сделай сам», но потом большевистская диктатура обернулась идеологией «партия решит за всех». Таким образом, здесь мы видим парадоксальную смесь: люди рвались к самостоятельному переустройству, но политическая реальность быстро отменила их самостоятельность, заменив её диктатом. Тем не менее факт, что огромные массы оказались способны на рывок, призывая «Перевёрнём всё, ибо мы вправе сами вершить судьбу», показывает, насколько русская душа может уходить от покорности, когда появляется вера в другой строй.

После перестройки и распада СССР, когда вновь возникла свобода предпринимательства, открылся своеобразный возрождённый сюжет: россияне, зачастую не имеющие особой подготовки, бросались в бизнес, в частную практику, в различные инициативы. Поначалу этому сопутствовал хаос, но с культурной точки зрения стала вновь прослеживаться «купеческая» жилка – люди искали способы устроить свои дела без оглядки на государство, не сидеть с упрёками «нам не дают». Так началась реабилитация фигуры предпринимателя, тогда как при советской власти предпринимательство считалось чем-то преступным или антисоциальным. Кроме того, идея активной жизненной позиции, ответ-

ственности за свой успех проникала в речь коучей и мотивационных спикеров, апеллирующих к русской истории, говоря, что «Морозовы и Рябушинские выбивались без льгот, значит, и вы можете». Конечно, это не стало поголовной народной установкой, много людей по-прежнему ностальгирует по патерналистской модели, где государство заботится обо всём. Но принципы самоуважения, упорства, «не плачь, а решай», «будь хозяином своего дела», «в любой беде ищи вариант» – они всё громче звучат в деловой среде и даже в отдельных слоях общества.

Если суммировать все эти пласты, то можно сказать, что на территории современной России принцип личной ответственности всегда существовал в некоем «биполярном» состоянии: с одной стороны, сильна традиция коллективизма и упования на царя (позже на государство), а с другой, периодически вспыхивают очаги самоорганизации и упорного труда, где люди показали примеры, сопоставимые с западным индивидуализмом и даже превосходящими его в этическом плане. Это относится к старообрядческому купечеству, к крестьянским установкам, к попыткам найти «самобытный путь» без копирования чужих образцов, к революционному призыву «мы сами всё построим». Даже пословица «умирать собирайся, а рожь сей» выражает стержень, согласно которому отказаться от собственных усилий нельзя даже в ситуации, которая кажется безнадёжной. Стратегическое упорство («рожь сей») тут любопытно перекликается со стоиче-

ской идеей не поддаваться отчаянию. Получается, что в русской мысли идея «человек отвечает за свой удел» пронизывала самые разные слои: и религиозно-хозяйственные (старообрядцы), и крестьянские («выйди да вспахай, иначе твоя семья умрёт»), и интеллектуальные (дискуссии о самостоятельности России), и революционные («прекратим жить, как нас заставляют, сами возьмём власть»).

Если вернуть взгляды к современности, можно видеть, что в XXI веке Россия остаётся страной, в которой одни люди призывают к большей опоре на личные силы, а другие ждут милостей от государственных структур. Однако историческая традиция, о которой шла речь выше, продолжает жить. Её нередко возрождают и предприниматели, и общественники, и представители церкви, которые любят ссылаться на старую мораль: «работай сам, не надейся на чужое подаяние». Точно так же революционный порыв и крестьянская настойчивость иногда всплывают в разных формах гражданской активности, пусть даже это не всегда понятно со стороны. Итог здесь в том, что идея «брать жизнь в свои руки» не чужда национальному характеру. Она перекликается с ментальной чертой упорства в любых обстоятельствах, о которой свидетельствуют и известные строки: «Русский человек на выдумку хитёр» – кто-то истолковывает эту формулу в негативном ключе, но её суть в том, что человек выкарабкивается, если сильно прижмёт. Пословицы вроде «Не стыдно не уметь, стыдно не учиться» явствен-

но говорят: сидеть, сложив руки, стыдно, надобно «вставать и делать».

Таким образом, в русской мысли и практике идея личной ответственности проходила узкими тропами, но неизменно напоминала о себе, когда народное или купеческое движение подходило к критическим развилкам. Старообрядческий предприниматель, крестьянин с серпом или революционер, готовый бросить вызов старому режиму, – все они, по сути, являлись носителями принципа «всё в моих руках, не буду зря жаловаться». Да, некоторые начинания останавливались политическими репрессиями или внешними кризисами, но внутреннее «зерно» жило. Сегодня, когда тема личностного роста и «теории полной личной ответственности» часто воспринимается как нечто заимствованное, удобно вспомнить, что и в российской истории полно свидетельств самостоятельности, трудолюбия, упорства, стремления менять жизнь без апелляции к высшим инстанциям. Нагляднее всего это показано в биографиях выдающихся купцов, промышленников, некоторых деятелей революционного движения, а также в красноречивых пословицах, обозначающих, что сидеть и плакаться – худший вариант. Русская культура, безусловно, многогранна и противоречива: в ней соседствуют и традиции патернализма, и мощные пласты самоорганизации. Однако нельзя считать, будто принцип «бери жизнь в свои руки» – это только импортная идея. Напротив, вкупе со старообрядческой аскезой, купече-

ской этикой, крестьянской настойчивостью, идеей собственного пути и даже революционным «берём власть сами» он подтверждает, что на протяжении веков люди на этой земле не раз открывали способ ответственности за свою судьбу – столь же исконный, как и в иных цивилизациях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.